

Андрей Баженов

2k66

Андрей Баженов

2k66

«Издательские решения»

Баженов А.

2k66 / А. Баженов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831122-2

Главный герой умрет дважды в первой главе. В «2k66-м» человеческая жизнь ничего не стоит. Каким будет мир людей, сложивших полномочия исследователей и творцов? Доведенная до абсурда идея защиты окружающей среды вынуждает фаталистов, переживших ядерную войну, стать последним, но поистине безгрешным поколением людей на планете. Человечество посвятило себя страданиям и борьбе с эгоистами, стремящимися эти страдания отнять. Но должен ли кто-нибудь спасать людей, добровольно отказавшихся от будущего?

ISBN 978-5-44-831122-2

© Баженов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

2k66

Андрей Баженов

© Андрей Баженов, 2016

ISBN 978-5-4483-1122-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Сегодня, – первый лидер Всеобщего Государства сделал неуместный глубокий вдох в середине предложения, – мы хороним идею. Сегодня мы отказываемся верить, что человек – властелин мира. Мы отрицаем его величие и признаем полную зависимость от природы. Впредь человечество не будет эксплуатировать свой мир и разрушать родной дом. Потому что люди наконец-то осознали, насколько они ничтожны. Мы отвергаем прежние устои ради воцарения утопии на Земле.

Миллионы людей смотрели на него.

– Все мы люди. Человечеству свойственно совершать ошибки, и крупнейшая из них чуть не стоила ему жизни. Но Бог милостив. Мы были избраны Господом, чтобы, восстав из пепла, восстановить равновесие в этом мире, которому человек не был нужен, но который его получил. Пришло время расплатиться за ошибки предков, отдать должное планете, Богу и всему, что человек уничтожил! Настал момент, избежать которого мы не в силах.

Надежда теплилась в устремленных на лидера глазах.

– Ходят слухи, что приближается конец света. Они лживы. Для людей конец света уже наступил, а мы – его свидетели, взвалившие на собственные плечи обязанность замолить грехи. Все мы должны найти в себе силы смириться. Человечество покинет этот мир, но мы можем залечить часть тех ран, что оно ему нанесло. Мы вскоре исчезнем, но, уходя, мы будем знать, что наша совесть чиста. Оставляя этот мир, мы будем знать, что он счастлив.

Глава первая

– Вселенной нам дано право утверждать, что худшим из всех грехов людей прошлого была гордыня. В какой-то момент от людей просто-напросто ушло понимание того, что следует заботиться о других и доверять другим заботу о себе. Я... Мы не должны забывать об этом, если не хотим, чтобы ужасы начала века повторились. И, наверное, нам положено помнить: все всегда идет по кругу. Наши шансы...

– Спасибо, – прервал пыхтящего психолога строгий ведущий Второго канала. – Слово предоставляется товарищу Доброву, профессору Всеобщего института истории. Товарищ Добров, вы решитесь согласиться с тем, что война 2034 года началась только из-за того, что люди перестали думать о ближних своих и об окружающем мире? – без видимого труда проговорил столь длинное предложение шоумен.

– *Только* из-за того? Да осмелюсь я вас заверить, что это совсем не мелочь. Мы лишены права недооценивать важность взаимного уважения и любви друг к другу. Нам с вами дано осознание того, что лишенный какой-либо связи с миром человек долго не протянет. И мы должны понимать, что связь эта представлена не товарами или услугами, не материальными ценностями вроде здоровья и сытости, а самыми простыми человеческими чувствами. Разве в состоянии человек довольствоваться любовью к себе? Неужели мы в силах вообразить себе счастливое человеческое существо без друзей?

– Товарищ Добров, тема отошла от вас. Ответьте, пожалуйста...

– Интроверты и эгоисты оставлены в прошлом? Умоляю вас, у них никогда и не было возможности существовать!

– Добров! Товарищ Добров, Третья война началась из-за человеческого эгоизма?

– Да, – уделил профессор секунду своего времени ведущему. – Но следует считать, что эгоизм чужд счастливым людям...

Голос профессора затих, а в кадре оказался один ведущий. Он говорил медленно, слегка покачивая головой.

– Бог дал нам с вами понять, дорогие телезрители, что жившим до Третьей войны людям не уделялось должного внимания. Не уделялось, очевидно, друг другу. Каждому и от каждого. Они были обречены на страдания в одиночестве. Как и я, вы осознаете всю тяжесть их греха. Вы не обязаны обвинять их в пренебрежении важностью человеческих чувств, но вы должны учиться на их ошибках. Давайте все вместе подчинимся воле Господа. Нам необходимо стать лучше, отталкиваясь от неудачного примера прошлого.

На экране не было видно уже ничего, за исключением глаз ведущего. Бледно-зеленые, они смотрели, казалось, на каждого из миллионов зрителей.

– Давайте отважimsя жить не как отдельные существа, но как единый организм, поддерживая друг друга. Давайте все вместе искореним засевающие в глубине нас грехи. Давайте дадим бой высокомерию, уничтожим жадность, воспротивимся трусости и победим эгоизм! Я призываю народ Всеобщего Государства быть сильным! Обстоятельства не оставляют мне выбора, кроме как призвать всех нас...

По Первому Всеобщему каналу транслировалась очередная серия очередного сезона сериала «Товарищи и братья», где стареющая седая мать заставляла своего старшего сына признать ошибку:

– Да сделай ты это уже ради бога! – кричала она, глядя на мальчика сверху.

– Мама! Но он не мог видеть самолет! Самолеты не летают!

– Ты что, не любишь своего брата? Он же маленький! Если хочет видеть самолет в небе, пусть видит. Неужели тебе трудно?

– Он его не видел! Они больше не летают! – Ребенок был готов расплакаться. – Почему я должен сказать, что он прав, если он врет?

– Он не врет, а ошибается. Ты ничего не понимаешь. И вообще! Ты же умнее, потому и должен давать ему побеждать. Покажи свою силу и уступи!

Мальчик на экране заплакал, и ревел порядка пятнадцати секунд, осыпая мать бессвязными доводами, в ответ на которые та ловко находила убедительные аргументы. В это время его младший брат стеклянными глазами смотрел на маму, которая, в свою очередь, с укором глядела на старшенького. Плач, спор, воспитание. Внезапно дверь открылась – в комнате очутился отец семейства, который еще с порога сказал:

– Сынок, ты не видел самолет, а он – видел.

– Папа? Но его там не было...

– Попробуй теперь докажи, что его не было, ведь ты попросту мог его не заметить. Поверь мне, я же отец. Я лучше знаю.

Ребенок несколько раз хлопнул длинными ресницами.

– Хорошо, папа!

Мальчик мгновенно перестал плакать, улыбнулся. Когда запоздалая слеза скатилась по его лицу, встал с пола, и улыбающаяся семья, взявшись за руки, поклонилась зрителям.

На Третьем Всеобщем канале подходил к концу выпуск новостей, где лысеющий старик в дешевом костюме рассеяно читал текст с листа бумаги:

– Таким образом, друзья мои, к нам с вами только что пришел вывод, что мы лишены свободы осуждать владельцев компании «Савин и Кольт» за то, что они демонстративно отказались принять участие в конкурсе проектов нового храма Всеобщего Верования в Городе Востока. Считаю долгом напомнить: Александр Савин и Дэвид Кольт заявили, что их компания «занимается строительством, а не благотворительностью», оправдывая этим свою бездуховность.

На огромном табло за спиной ведущего появилось изображение будущего храма. Шестиугольная в плане башня в сорок метров высотой была окрашена в белый цвет. Над синим куполом поднимался шпиль с перевернутым вершиной вниз равносторонним треугольником – символом Всеобщего Верования.

– Но вы, дорогие наши зрители, не должны их судить. Вам лишь следует помнить, что Бог есть наш отец и спаситель, а те, кто отвернулись от него, будут лишены его опеки. Не нам с вами судить других людей. Вы точно так же не имеете на это права, как я на то, чтобы навязывать вам свое мнение.

Храм исчез с табло. Отобразились часы, которые тут же пробили восемь вечера.

– Спасибо Небесам, что вам выпал шанс оказаться с нами в этот час, дорогие телезрители. Сейчас вас ожидают новости спорта и ток-шоу с участием зрителей Всеобщего Верования на Третьем канале. Не переключайтесь и помните: чтобы стать преступником, достаточно мыслить как преступник.

Щелкнув пальцем по кнопке, я еще долго смотрел на выключенный телевизор. На стене били часы. Все еще глядя на черный экран, я сказал:

– Дэвид, я их ненавижу.

Мой приятель оторвал взгляд от телевизора и устало повернулся ко мне.

– Они, конечно, катят на нас бочку, но не излишне ли ты категоричен? – Задал он совершенно неподходящий вопрос. Разве не понятно, что я должен быть категоричным? – Ход умный, конечно, с их стороны, но на кой черт им делать из нас врагов народа? Мы-то с тобой знаем, что партийцы вполне могут застрелить нас в переулке, и никто ничего не скажет, так зачем же...

– Знаешь, мне плевать. Я думаю только о том, что мне через неделю выступать на Втором Всеобщем. Что я скажу?

– Можешь не приходить.

Меня не удовлетворил ответ Дэвида. Можно было подумать, что он предложил простой выход из сложившейся ситуации, но пропустить съемки означало не просто лишить себя возможности высказать мнение – это означало показать свою слабость. А я не слабак.

– Выставят трусом и дураком. Надо идти.

– И поедешь в Столицу ради... этого?

– Да, – уверенно сказал я.

Теперь Дэвид стоял у окна и смотрел на улицу. Тридцатью этажами ниже нашего офиса проходил главный проспект Города Востока, по которому сейчас последние работники фабрик возвращались домой.

Когда строительная компания «Савин и Колът» возвела это шестидесятиэтажное здание, оно стало одним из самых высоких в Востоке. Впрочем, как и сейчас. За семнадцать лет облик города остался примерно тем же. За это время ничего не поменялось не только здесь, но и во всем Всеобщем Государстве.

– И все же, Сань, ты уверен, что тебе необходимо выступать? Можно же и отказаться. Они легко найдут замену.

Поднявшись на ноги, я приблизился к окну и посмотрел на партнера в профиль. Я никогда не был уверен, что Дэвид в чем-то сильно превосходит большинство окружающих людей. Заурядные способности, обычный ум. Где бы он был, если бы не компания отца? Как бы он мыслил, если бы не общение со мной? Люди, которые принимают мою сторону в результате поглощения моих же идей, отличаются от противников только податливостью ума. Дэвид скучен.

– А что ты предлагаешь?

– Смириться. Пусть говорят.

– Смирюсь с малой бедой – смогу смириться с большой. Именно в этом и наша проблема. Однажды отдавшийся течению человек потерял навсегда, потому что бездействовать легко и затягивающее.

– Протестуй молча. Тебе ничто не мешает заниматься обычными делами...

– Пока не мешает. Ты не хуже моего знаешь, что происходило в тридцатые с теми, кто отказывался сотрудничать с Народной партией.

– Это не аргумент в твою пользу, Санек.

В чем-то он прав.

– Бездействие несостоятельно. Нельзя противопоставлять себя кому-то и ничего не предпринимать.

– Забастовка разума? – с умным видом спросил Дэвид.

– Забастовка? – усмехнулся я. – Я что, пенсионер? Мне нужен результат, а не забастовка.

– Я тебя не понимаю.

Я в курсе.

Мне двадцать семь лет, и я еще до рождения должен был стать одним из богатейших людей Всеобщего Государства. Моя роль определяется не мной, но вот судьба... Судьба принадлежит мне. Партийцы и зрители Всеобщего Верования скажут, что судьбой распоряжается Господь, но я не хочу в это верить.

Мне двадцать семь лет, и я здоров только из-за родительского состояния. Оно обеспечило мне сытую жизнь, теплый дом, какое-никакое образование и крепкие зубы. Что-что, а ровная улыбка в наше время ценится. Не каждому она доступна.

Что бы я ни сказал по ящику, меня попытаются выставить зазнавшимся богатеem, подтверждающим правило, что человек – его прошлое. Все телеканалы скажут, что Александр

Савин – копия своего отца. Ну, нет. Нет, нет, нет. Я им еще покажу. Я не мое прошлое, и я не мой отец. Я – это мои будущие свершения.

С этой мыслью я глядел в окно. В ноябре солнце заходило рано, и сегодня, четырнадцатого числа, оно уже почти скрылось за горизонтом, освещая желтым лишь те строения, что располагались у берега или на возвышении. Верхние этажи нашего здания тоже были залиты теплым светом, но не из-за удачного местоположения, а из-за большой высоты над уровнем моря. Синее холодное поле простиралось от набережной и до противоположного берега. Другой берег залива находился километрах в пятнадцати от меня, и его скалы казались нарисованными с помощью трафарета. Монотонная линия разграничивала море и небо, полное темных облаков. Из-за них проглядывало садящееся солнце, лучи которого с каким-то трудом прорезались меж краев туч.

Обделив вниманием пустующую набережную, я перевел взгляд на параллельную ей широкую улицу, частично проходившую под главным проспектом Востока. Возле въезда в тоннель, где они и пересекались, дорога была полностью разрушена. Тяжелые бетонные плиты осыпались вниз, лишенные основания. Протянувшаяся через центр Города Востока, улица не ремонтировалась со времен Третьей войны.

Мой родной город был четвертым по размерам в стране в довоенные времена. Тогда он бурно развивался и в тридцать четвертом году представлял собой плотные ряды небоскребов, вышедших прямо из моря, которое омывало его со всех сторон. Спустя три десятилетия большинству зданий было суждено опустеть, стать железобетонными коробками без света и жильцов. Люди буквально упали на землю, оставив будущее наверху.

Абсолютное большинство многоэтажных строений рассыпались на глазах. Какие-то из них навсегда остались незаконченными, другие же не выдержали пожаров или многолетнего воздействия окружающей среды. Внизу ситуация была немногим лучше: грязные улицы давно стали нормой, разбитые витрины – обыденностью, а целые дороги виделись людям чем-то невероятным. Меня бесило это. Я подумал, что Столица должна быть в лучшем состоянии, и мои мысли вновь вернулись к предстоящему выступлению на ток-шоу.

Я отвернулся от окна и обвел скучающим взглядом комнату. Серые стены, ужасный темный паркет. Захотел заменить его на что-нибудь более светлое, но отбросил эту идею. Было и более важное дело. Я увидел на столике у кресла брошюру, на которой огромными жирными буквами было выведено:

О НАСТУПЛЕНИИ АНТИУТОПИИ В ГАЗЕТАХ НЕ НАПИШУТ

– Длинноватое название, не считаешь? – спросил я, указав рукой на проспект. – Опять что-то про загрязнение атмосферы?

– Если бы, – ответил Дэвид. – Сам взгляни.

Пробежавшись по первым строчкам текста, я понял, что брошюра посвящена отнюдь не пагубному воздействию человека на окружающий его мир. Автор не только резко критиковал уклад жизни Всеобщего Государства, но и порицал всех его граждан за то, что они «осмелились свыкнуться» с этим укладом. Мне понравилось.

– Откуда это? – Я положил проспект обратно на столик.

– Автор раздавал их на следующий день после того, как стало известно, что ты выступишь на телевидении. А еще через два дня он погиб.

– Как погиб?

– Слышал, он поскользнулся на льду и расшиб голову.

Простая и глупая история. Она показывала, что сегодня никто даже особо не пытается скрыть правду. Второсортное объяснение-оправдание, которое люди должны принимать за чистую монету.

Еще раз взглянув на брошюру, я даже успел пожалеть, что решил ее прочитать. Не внеся никакой ясности в ситуацию, она только усугубила мое незавидное положение. Совершенно обессиленный, я свалился в кресло, а затем обратился к Дэвиду по поводу смерти ее автора:

– И ты в это веришь?

– Нет.

Ну, хотя бы что-то он понимает.

Ты зауряден. Разумеется, всегда таким был.

Нет, нет. Конечно, ты любил свою работу. И жизнь. Несомненно, у тебя никогда не было оснований для недовольства. Ты должен быть счастлив. Но почему тебе так не хотелось добираться ранним утром в центр Столицы? В том ли дело, что тебе противно твое положение в обществе? Вряд ли. В вагоне метро с тобой ехали еще пять человек, и их присутствие означало, что ты не один такой. Ты как все. Ты должен помнить, что люди равны по своей природе. Здесь не на что жаловаться. Может быть, тогда дело в том, что тебе неприятна ситуация во Всеобщем Государстве, а не твое в нем положение? Давай предположим, – лишь на мгновение! – что нет необходимости вставать так рано ради выполнения бесполезной работы, что твоя квартира не пропитана насквозь дизелем (центральное энергоснабжение ведь не функционирует!), что ты не должен терпеть издевательства соседа на тот счет, что работаешь с компьютерами. Если бы условия твоей жизни изменились, ты бы стал счастлив? Или дело не в этом? Возможно, ты не так прост, каким хочешь себя видеть? Вдруг ты... Ладно, сейчас нет на это времени. Как скажешь. Потом. А пока продолжай любить работу. У тебя и выбора-то нет.

Ты оттянул рукав старого свитера на левой руке, чтобы узнать температуру в вагоне метро. Электронный термометр на часах утверждал, что в девять утра пятьдесят восемь минут температура составляла семь градусов выше нуля. Как это работает? Неужели под этим маленьким окошком с зелеными цифрами спрятана ртуть? Или на то градусник и электронный, что ртуть в нем не нужна? Может быть, он спиртовой? К сожалению, сегодня уже никто тебе не даст ответа на этот вопрос.

Двадцать четвертого ноября 2066 года тебе не было суждено вовремя прибыть на работу из-за опоздания на поезд. Ошибка влечет за собой ошибку. Опоздание за опозданием.

Едя на метро в центральном Автономном городском секторе, ты по звуку понимал, что состав движется быстро, хоть запотевшие окна подтверждения этому и не давали. Лишь в дыру в одном из стекол стремительно залетал снег с улицы. Сорокалетней мужчина напротив тебя усердно чесал оспенный рубец у ключицы, а ты только и делал, что сдерживал желание пересест в другой конец вагона. Если демонстративно это сделать, можно обидеть человека. Он же не виноват. От инфекции никто не застрахован, и с этим ничего не поделаешь. Сегодня болезни лечат молитвами – вот тебе и вся медицина. В вагоне шесть человек, и это значит, что у одного из них, скорее всего, рак. Быть может, даже у этого обладателя оспы. Быть может, даже у тебя. Кто знает?

– «Площадь эволюции», – раздалось с динамика.

«Площадь эволюции». Сдается тебе, до войны эта станция по-другому называлась. Хотя ее название могли сменить потому, что сменилось значение слова «эволюция». Ты ведь точно знаешь, что эволюция теперь другая. Раньше она представлялась людям в виде луча, на котором отмечались множественные этапы развития человечества, а теперь эволюция – это круг. Начав свое развитие, как тебе говорили в школе, человечество все дальше и дальше

отходило от точки старта, и это логично. Не менее логично и то, что, достигнув середины пути, эволюция свернула обратно и повела людей к началу. Таков замысел Бога. Разве это плохо? Нет, конечно. Все вернется к началу.

Мелькавшие темные силуэты двутавровых балок за окном замерли, и двери вагона открылись.

– Внимание, граждане Столицы! Заметив у своих близких и родных признаки натуральной оспы или злокачественной опухоли, немедленно обратитесь в ближайшую больницу или храм Всеобщего Верования. Доверьте заботу о близких вам людях профессионалам!

Помимо рака и оспы, было еще и третье смертельно заболевание – бубонная чума. В отличие от двух опаснейших проблем, чума не угрожала всему народу, ведь вспышки этой инфекции уносили всего сотню-другую человек пару раз в год. Ее переносили блохи, сидящие на грызунах вроде крыс. Чтобы бороться с чумой, Верховный Предстоятель Всеобщего Верования и лидеры Народной партии всячески поощряли добровольное уничтожение гражданами разносчиков заболевания. К тому же, власти настоятельно рекомендовали народу посещать общественные бани дважды в неделю, ведь даже у многих жителей Столицы нет возможности принимать ванну каждый день, что уж говорить о провинциалах.

Ты сошел на перрон и быстрым шагом направился к выходу со станции. Ты работал в Госотделе по управлению Надсистемным контролером Столицы Аланом, управлявшим движением транспорта, осуществлявшим контроль над всеми шестью якобы Автономными городскими секторами. Двадцать четвертого ноября в Первом Автономном городском секторе проводилась торжественная встреча вернувшегося из командировки министра Арилова. Тебе не было дела ни до самого министра, ни до его командировки – ты просто должен был вовремя включать и выключать на церемонии световые фары.

Вот как теперь это работает. Машины вполне могут самостоятельно проконтролировать парад, но Народная партия им не доверяет, а вместе с ней не доверяют и все жители страны. Ты же машинам всегда доверял и доверять будешь. Твой отец работал с ними, и ты пошел по его стопам. Ты всегда знал, что они созданы для помощи людям, а не для того, чтобы их уничтожить или поработать. Машины дружелюбны.

Спустившись по широченной лестнице, исхоженной миллионами ног, ты вышел на площадь, скованную в кольцо бетонными фасадами. Большинство из них люди тридцатых успели остеклить, но в некоторых местах голые стены навсегда остались незаконченными. Через всю площадь, между двумя пятнадцатизатками, были не туго натянуты черные толстые провода. От излишнего провисания их удерживали старые веревки. Очевидно, местные постарались. Оборванные, многие провода касались земли, но трогать их нельзя: сочтут за сопротивление силам времени и природы. Ничем человек не должен мешать призревшему его миру. Чтобы не допустить нарушения закона, Народная партия даже запретила продажу строительных инструментов, и теперь пытающийся спасти свой дом старик становится диссидентом. Во Всеобщем Хосписе самовольная стройка и облагораживание территории – самые распространенные преступления.

Ты прошел мимо полицейских электромобилей и, поднявшись по наружной ржавой лестнице на четвертый этаж третьего вертикального уровня Столицы, встретил нескольких человек с телевидения.

– Мы уж вас заждались. Второй Всеобщий.

Сказавший это парень держал на руках тяжеленную видеокамеру, и его напряженные огромные мышцы даже напугали тебя. Ты и сам был довольно высоким и хорошо сложенным, но всегда предпочитал избегать возможных конфликтов. Хотя о каких конфликтах может идти речь?

Ты слегка кивнул и, протиснувшись меж телевизионщиков, обхватил ладонью ручку двери. Легкий укол в область большого пальца, и дверь с шипением отворилась. Может быть, ты и не ненавидел свою работу, но изрядно надоест она тебе точно успела. Несмотря на то, что ты работал по всему центру Столицы, эту дверь, наверное, ты открывал уже в двадцатый раз за жизнь. Как бы то ни было, тебе еще повезло. Лишь несколько десятков сотрудников Госотдела по управлению Аланом все еще работают. В людях вроде тебя Всеобщее Государство особо-то и не нуждается.

– Добро пожаловать, Пользователь 451, – произнес один из бесчисленных динамиков Надсистемного контролера.

Вы зашли внутрь, где темная широкая стена мгновенно стала прозрачной, пустив свет на пол и панель управления. Операторы установили оборудование, репортеры достали микрофоны. Один из них не мог оторвать глаз от широченной панели с кнопками и тумблерами.

– Боже правый, – выдавил он. – Как вы тут работаете?

Он спросил это без восхищения. Напротив, в его голосе читалось презрение. Может быть, даже испуг. Человека, который зарабатывал на жизнь, выступая по ящику, ужасали компьютеры. Он тебе противен. И должен быть противен. Тебе вовсе не хотелось с ним говорить, и изобразить тактичную неосведомленность показалось тебе хорошим выходом из ситуации.

– Не знаю, – сухо ответил ты.

Все люди во Всеобщем Государстве строили из себя дураков. Хороший тон – это показывать собеседнику, что ты знаешь не больше него. Поступая так, человек предостерегает самого себя от хвастовства. Не знаешь – не говори. Знаешь – не говори. Тебя обычно это всегда устраивало. «Человек, обладающий хоть малейшими знаниями, – говаривали психологи Фронта Семьи, – всегда стремится показать свое превосходство, продемонстрировав их. А какой, по сути дела, от знаний толк? Да никакого». Деликатное скудоумие.

Снег за окном прекратился. Никто не знал, будет ли он идти во время парада. Никто даже не знал, пойдет ли в этот день. Как бы то ни было, снег прекратился. Природа дала добро на проведение мероприятия.

Маршрут кортежа министра Арилова проходил по широкой дороге на первом вертикальном уровне, и ты, ознакомившись с выданными позавчера инструкциями на неделю, приказал Контролеру закрыть прозрачные ворота, за которыми толпилась массовка для съемок. Затем ты выключил все светофоры на улице, чтобы министр – не приведи господь! – не нарушил правила движения. Большая часть работы на утро уже выполнена, подумал ты, осталось дожидаться конца церемонии.

Дорога протянулась метрах в семидесяти от операторской, окна которой выходили на средний вертикальный уровень. Где-то внизу передвигались небольшими группами люди в штатском. Вряд ли это полицейские. Тем не менее ты решил, что Госотделу бдения на съемках парада делать нечего.

Внизу кто-то замаршировал, толпа зашевелилась, и телевизионщики приступили к работе. Ты смотрел на их действия и никак не мог понять причину, по которой столько внимания уделено министру зарубежных дел. Да, точно. МЗД. Кому вообще есть дело до Арилова? Как тебе казалось, новости про лидеров Всеобщего, про саму Народную партию из раза в раз приобретали куда больший интерес у телезрителей. Ну, программа Фронта Семьи, конечно, вне всякой конкуренции. Во Всеобщем Государстве, как заявляет Партия, собрано исключительно лучшее в мире. По их же словам, Всеобщее Государство и есть мир. Если это так, зачем гражданам этой страны новости о кочевниках и бандитах, находящихся за ее пределами? Всеобщане исключительны, остальные – незначительны.

Из-за угла старого стеклянного здания показались старые белые электромобили.

– Наконец-то, – выдохнул рослый оператор у тебя за спиной.

Стоило первому электромобилю кортежа приблизиться к толпе, из нее полетело конфетти. Тебе в голову пришла мысль, что народ слишком рано использовал хлопушки. Затем солдаты начали салютовать.

Глядя вниз, ты краем глаза заметил, что видеокамера слева стоит без работы. Ты повернул голову, и в то же мгновение получил промеж глаз. Жуткая тупая боль пронзила переносицу, и ты, упав сначала на панель управления, неуклюже повалился с нее на пол. Занесенная с улицы грязь на бетоне облепила твое лицо, а ты даже не смог вскрикнуть. От неожиданности у тебя отнялся дар речи. Все это не должно было случиться!

– Свяжи его, – раздался низкий голос откуда-то сверху.

Голос этот принадлежал тому самому оператору со Второго Всеобщего канала. Твои руки мигом завели за спину и набросили на них веревку. Ты не успел и подумать о том, чтобы сопротивляться. Тебя связали.

– Так, – протянул оператор. – Что тут чиркать?

– Вроде бы вот этот рычажок, – ответил ему относительно высокий мужской голос. – Да, этот.

Когда метром выше твоей головы щелкнул тумблер, ты приоткрыл один глаз и увидел лежащего напротив репортера с Первого Всеобщего в синем костюме. Из рта у него текла слюна.

– Во! Он пошел.

По падающей на стену тени ты понял, что сообщник оператора (оператор ли он вообще?) указал рукой в сторону проспекта. Вдалеке раздался выстрел. За ним последовал второй. Потом еще пять-шесть выстрелов вразнобой и крики. Пальба, пальба, паника. Ты испугался, но не шевельнулся. Рослый сказал:

– Пора уходить. Эдриан сказал отправляться сразу после убийства.

– А с этим что?

Тебя поддели носком ботинка за бок, и ты невольно охнул. В этот миг тебе показалось, что стон был тихим, что тебя никто не услышал, но испуг продлился всего секунду. На смену ему пришел ужас.

– Он в сознании?! – вскрикнул оператор. – Ты что, идиот? Ты человека вырубить не можешь?

– Мне показалось, он выключился...

Не обращая внимания на оправдывающегося подельника, оператор взял тебя за плечи, приподнял туловище над полом и повернул лицом к себе. Ты не закрыл глаза. Он недолго смотрел на тебя, и за это время ты не придумал ничего лучше, чем побежать, если представится хоть малейшая возможность. Это будет шаг первый. Должно быть, шаг второй – это спрятаться. Рослый разжал одну руку, чтобы сразу дать тебе пощечину. Когда оператор тебя отпустил, ты упал и, попытавшись встать, получил удар ногой в спину.

– Что делать-то теперь? – прошептал парень с высоким голосом.

– Необходимо убить, – констатировал оператор. – Босс сказал, что нужно пристрелить, если он хоть что-то поймет.

– Может, не надо? Слушай, мне же влетит. Давай что-нибудь сделаем!

– Да не ори ты. Он предвидел это.

– Но это же не значит, что он этого хотел! Он меня зарежет...

Ты ползком продвинулся на полметра к выходу, затем молниеносно, как тебе показалось, перевернулся на спину, неловко встал и ринулся к двери. Неуклюже, глупо, жалко.

– И куда же ты? – воскликнул крупный бандит.

Толкая спиной дверь, ты увидел, что он достал пистолет из-под куртки. Ты запаниковал, а дверь не открывалась без поворота ручки. Пока вслепую ее искал, оператор навел на тебя пистолет и выстрелил. Возможности промахнуться у него не было.

Пропагандистский ролик с динамиков у полотка.

– Джулия, ты слышала, что лидеры Всеобщего следят за нами? – спросил металлический голос.

– О, Брайан! – ответил ему тоже металлический, но уже женский. – Какой же ты наивный! Не стоит верить рассказам изменников, желающих опорочить имя Партии.

– Мне говорили, что власти пробираются в наши дома и, подсоединив к головам провода, читают мысли. Я даже слышал, что они строят для нас другую реальность! Неужели это выдумки?

– Конечно! Компьютеры устарели. Партия не пытается контролировать нас. К тому же, это люди *прошлого* старались уйти от реальности, создав «виртуальную». А нам это ни к чему! Мы – люди глубоко религиозные, а религия – путь к бессмертию. В эпоху «высоких технологий» люди боялись смерти, и потому старались насладиться жизнью на этом свете. Они жили в фантазиях. А зачем нам наслаждения здесь, когда блаженство Рая превзойдет их по всех параметрам? Между прочим, именно Народная партия спасла нас от Интернета!

– Если я буду верен Богу и Партии, я попаду в Рай?

– Разумеется, Брайан!

Диалог это слышал любой житель Столицы, пользовавшийся метрополитеном. А ездил на метро почти каждый. Лишь четверть граждан не могла себе этого позволить, а десять процентов владели электромобилями. Почти все равны.

Это было утро двадцать пятого ноября 2066 года. В вагоне с Юрием Георгиевым, возвращавшимся домой первым утренним поездом, ехал только один человек. Это был тот самый парень, на которого в Государственный отдел бдения поступила ориентировка. Порядка двадцати семи лет. Примерно сто восемьдесят сантиметров ростом, вес слегка за те же восемь десятков килограммов. Кареглазый брюнет смотрел в окно вагона напротив себя, сидя спиной к своему окну, и, казалось, не знал, что разыскивается по всей Столице.

Товарищ Георгиев не боялся подойти к нему, ведь сама мысль о том, что офицер Госотдела бдения чего-то испугался, представлялась ему чудовищной. Дело было в другом. Возможно, как обычный служащий, он может добиться не так много, как мог бы, если... «Нет, – предостерег сам себя Юрий, – законы не дураками писаны. Следует действовать так, как приказало руководство».

Юрий поднялся, подошел к кареглазому и, заложив руку под пальто, сказал:

– Доброе утро. Старший лейтенант Георгиев. Предъявите ваши документы.

Парень оторвал туманный взгляд от окна и удивленно посмотрел на подошедшего к нему служителя закона.

– Простите? – переспросил он.

– Предъявите ваши документы, – повторил товарищ Георгиев, удовлетворенно стиснув за спиной рукоять револьвера.

– Боюсь, я не совсем...

Молодой человек попытался встать, но гобовец тут же толкнул его обратно на сиденье. Юрий достал револьвер и направил противнику в лоб. Действовать по инструкциям не получилось, но в борьбе с предателями Всеобщее Государство требовало от нашего героя решительности и полнейшей самоотдачи. Вынужденный обстоятельствами, слуга народа позволял себе поступать с изменниками так, как будет наиболее безопасно. А он точно знал, что перед ним изменник.

– Все ты понимаешь, старина, – угрожающе произнес Георгиев. – Может быть, ты и не ищешь проблем, но твое поведение говорит об обратном. Поверь, я и сам не любитель

споров – это долг пред страной обязывает. Впрочем, что тебе знать о долге? – улыбнулся он. – Так что просто объясни мне это невероятное сходство между тобой и изменником, убившим министра зарубежных дел Арилова.

– Что?

Наблюдая, как злодей с недоумением рассматривает направленный на него ствол револьвера, старший лейтенант с некоторым трудом сдерживал себя, стараясь не снести врагу голову раньше времени. Он старался оставаться верным своим идеалам, которые доверили ему поимку негодяя. Случай дал Юрию Георгиеву шанс, не использовать который тот не имел права.

Вдруг состав затормозил, и Юрий пошатнулся, чуть не упав. Он на миг наклонился на бок и потерял контроль над ситуацией. Злодею этого времени хватило на то, чтобы вскочить, повалить гобовца на пол вагона и устремиться к выходу. Все произошло невероятно быстро. Когда выпавшее оружие вновь оказалось в руке старшего лейтенанта, в поезде он уже остался один. Мгновенно поднявшись, он побежал к дверям, которые закрылись за его спиной.

«Новоустройская», когда-то самая посещаемая станция метро в Столице, была одной из тех, что полностью располагались в закрытом пространстве. В конце шестидесят шестого искусственного освещения хватало лишь на нижние пять метров помещения, а высоченные потолки скрывались в темноте, оставляя невидимыми некогда красивые барельефы и колонны. Но бегущим людям было не до этого.

Ранним утром четверга на главной станции Третьего Автономного городского сектора не было почти никого. Только товарищ Георгиев бежал за преступником и силился понять, что будет делать, когда догонит его. Сотруднику ГОБ предписывалось взять убийцу живым, и он пытался отказаться от самодеятельности. Впрочем, *все* для страны. Все – братьям.

Когда изменник Всеобщего Государства перепрыгнул через турникет, служитель закона поднимался по лестнице. Стоило парню оказаться у дверей, Георгиев выстрелил. В мгновение осыпавшееся стекло позволило ноябрьскому дождю проникнуть внутрь, но никому не было до дела до таких мелочей. Убийца товарища Арилова свернул налево от входа и побежал вниз по лестнице, а Юрий последовал за ним. Несмотря на все его усилия, расстояние между ними увеличивалось.

Если бы старший лейтенант Георгиев арестовал преступника, он бы не повел его в отделение полиции. Такого вопроса перед ним даже не стояло, ведь он из ГОБ. Когда полицейские ловят воров на рынках и зайцев в метро, служащие Госотдела бдения занимаются по-настоящему значительными преступлениями. Конечно, Юрий всегда понимал, что важны всякие профессии. Он также отдавал себе отчет в том, что не сами люди и не их родители выбирают род деятельности. Впрочем, своим положением он был вполне доволен.

Если бы старший лейтенант Георгиев арестовал преступника, он бы отвел его в зиккурат – главное здание Народной партии, расположенное в Первом Автономном. Там же располагалась и штаб-квартира ГОБ.

Двое мужчин бежали.

– Стоять! – крикнул Юрий, сделав второй выстрел по врагу.

Парень содрогнулся и упал на правый бок, из-за чего перевалился через оградку с тротуара на газон и покатился с косогора, оставляя на мокрой земле кровавый след. Наш герой попал изменнику в ногу.

Смотря на лежащего внизу преступника, товарищ Георгиев остановился, чтобы перевести дыхание. Они пробежали метров пятьсот и сейчас находились на границе Второго и Третьего Автономных городских секторов.

Если АГС-1, в котором Юрий сел на метро, был одним из самых развитых районов Столицы, и дождь там шел будто не с неба, а с вершин небоскребов, уходивших сегодня

высоко в туман, то Третий сектор представлял собой одну большую помойку. Когда-то давно, еще до Третьей войны, всю Столицу разделили на шесть секторов, ответственность за которые возложили на шесть роботов. Практически всемогущие и до жути неживые, эти компьютеры должны были поддерживать порядок и безопасность в городе: самостоятельно чистить дороги, поливать газоны, мыть окна, следить за освещением и температурой в помещениях, регулировать дорожное движение. Люди прошлого даже научили их опознавать преступников и защищать своих граждан. Впрочем, от краха их это не спасло.

И сегодня по всему городу расположены тысячи видеокамер, спрятаны сотни определителей личности, всегда готовых зажарить током тех, кто сует нос не в свое дело. Пугающе. С другой стороны, Центральные компьютеры Третьего и Четвертого Автономных городских секторов не работают уже много лет, а остальные никем не поддерживаются, полагаясь только на себя. Нет, Юрию их не жаль. Народная партия не перестает повторять, что ее специалистам удалось направить возможности искусственного интеллекта в нужное русло, но ему, старшему лейтенанту Госотдела бдения, известно, что теперь нет ни одного человека, который бы мог по-настоящему взять над ними контроль. Юрий Георгиев не доверяет тому, чего не понимает. Еще больше он не доверяет тому, что нельзя контролировать.

Медленно спускаясь по склону, гобовец приближался к ползущему по брусчатке предателю. Наверное, он не обращал на преследователя внимания до того момента, как служитель закона схватил его за куртку и эффектно бросил в лужу.

– Старина, бежать некуда. – Герой шел с той же скоростью, с которой негодяй полз. – От закона не уйдешь.

Изменник остановился, лег на спину и прохрипел:

– Чего ты хочешь?

У старшего лейтенанта ГОБ были все основания считать, что покушение на министра зарубежных дел организовал Джеймс Эдриан, ведь на счету оппозиционера уже с десятков убийств важных политических и общественных деятелей.

О банде Эдриана заговорили в шестьдесят первом. Юрию Георгиеву тогда было всего восемнадцать лет, но уже в столь юном возрасте он понял, что должен ненавидеть злодея. Джим Эдриан рассказывал сказки гражданам Всеобщего, обещал им лучшую еду, лучшие квартиры, обещал вылечить рак. Юрий знал, что рак нельзя вылечить. Никто никогда не избегал вызванной опухолью смерти, потому что обратное утверждал Эдриан. Это *не было* правдой, потому что это утверждал предатель. Полная противоположность словам Народной партии. «Когда лидеры говорят, – думал Юрий, – надо верить. Так всем будет легче».

Товарищ Георгиев заботился о всеобщем благе. Он хотел сделать свой мир лучше и искренне верил, что этого когда-то хотела Партия. Дело лишь в том, что Партия стала слишком слаба, чтобы обеспечить лучшую жизнь гражданам. Но если каждый будет сильным, сильной будет и Партия. Юрий не сдастся в своей борьбе со злом, чтобы воодушевить ослабшую Народную партию. Сильный народ – сильно государство. Государство – это мы.

А изменник Эдриан разрушал Государство. Он подрывал людскую веру в лидеров, и потому лидеры слабели. Слуге народа это не нравилось. Почему нельзя жить в мире? Эти бандиты причастны к похищению людей по всей стране. Они – именно *они*, а не их главарь! – устроили бойню на самой площади Богоизбранного народа. Прямо на глазах у лидеров Народной партии предатели положили три десятка человек, но так и не смогли пробраться внутрь. Юрию неприятно было осознавать, что здание Партии тогда защитили машины. Определители личности не пустили убийц внутрь, отбросив их поджаренные тела от входа. Гобовец хотел бы верить, что именно люди спасли тогда Государство.

Следует считать, что оппозиция сильна, но шансов на победу не имеет. Следует считать, что банда Эдриана оказывает некоторое влияние на граждан Всеобщего Государства,

но нельзя верить тому, что каждый отдельно взятый ее член в чем-то превосходит любого другого жителя этой страны. Даже самые гнилые эгоисты не могут отрицать силу единства. Поодиночке они ничтожны.

Также любому служителю закона необходимо понимать, что излишнее внимание к Эдриану или какому-либо другому оппозиционеру неблагоприятно сказывается на мышлении народа. Если люди будут знать, за какое количество преступлений в действительности ответственен один человек, они засомневаются в важности единства.

Как служащий Госотдела бдения, Юрий Георгиев знал необходимую часть правды. Неприятные и даже опасные сведения, понимал он, нужно доверять лишь тем, кто может использовать их с пользой. Большинство полицейских, к примеру, никогда не видели полного списка «заслуг» той или иной преступной группы. Именно по этой причине, чтобы защитить облик правителей в глазах граждан, было объявлено, что на здание Партии два года назад напали не несколько десятков преступников, а три сотни мародеров. Все телеканалы и радиостанции сообщили, что искатели наживы сделали это не из-за собственного бесстрашия, не в силу собственных убеждений, а по глупости. Мародеров-материалистов называли дураками, и при этом скрыли почти совершенное вторжение в здание Партии. Двадцатого июля 2064 Эдриан не выступал против лидеров: на такое у него попросту не хватило бы отваги.

Следовало считать, что Джеймс вышел из низов общества. (Впрочем, молодой гобовец сомневался, не является ли предатель *низом* общества). Когда в шестьдесят первом полиция искала его во Всеобщем банке личностей, они не нашли ничего. Этого человека не было ни среди обычных жителей Столицы, ни среди депортированных всеобщан.

– Знаешь ли, – начал Юрий, – когда мы найдем Джима Эдриана, врагу народа снесут голову, но сейчас я только хочу убедиться, что ты работаешь на него. Скажи мне, как на тебя вышли его бандиты, и как так получилось, что гражданин Всеобщего Государства стал убийцей.

Ползущий жалкий парень все стонал и стонал от боли. Гобовец остановился, провожая изменника взглядом. Юрий потерял всякое желание ему что-либо рассказывать, поняв, что на него речи никакого впечатления не производят. Предатель направлялся к металлической балюстраде, отгораживающей тротуар от обрыва. Под мужчинами проходила линия метро.

Убийца ухватился за решетку и стал медленно подниматься, стараясь встать, из-за чего кровь из его штанины текла все обильнее и обильнее. Блюстителю закона подумал о том, что надо бы остановить кровотечение, если он собирается доставить преступника в отделение живым, как вдруг парень перекинулся через ограду, оставив на земле лишь ноги. Товарищ Георгиев поднял револьвер.

– Прыгать собрался? – с иронией спросил он. – Знаешь, будь моя воля, предателей Всеобщего валили бы на месте. Но порой закон, скажем так, не дает действовать серьезно...

– Думаю, я выживу! – прервал предатель слугу закона.

– Что? Не смей прыгать!

Он перебросил ногу через балюстраду, и Юрий пошел на него.

– СТОЯТЬ! Я сказал...

Служащий ГОБ протянул руку, чтобы не допустить прыжка, но было слишком поздно: преступник ускользнул от Юрия, спрыгнув вниз за пару секунд до того, как слуга народа был готов его остановить.

Оказавшись у ограды, удивленный старший лейтенант посмотрел вниз и увидел, что парень распластался на асфальте. Георгиев решил, что тот живой, и начал искать спуск вниз. Когда Юрий перелез через ограду и уже решился спрыгнуть на арку тоннеля, из-под него вылетел вагон метро, остановить который наш герой не смог бы при всем желании.

Привставший человек на рельсах внизу столкнулся с управляемым машиной составом. Его небольшая промокшая фигурка поднялась невысоко и свалилась на обочину.

Глава вторая

Реальность действительна, что бы они ни говорили.

Электромобиль свернул направо, и я увидел самое высокое строение в мире. «Народная башня» была построена в Четвертом Автономном городском секторе Столицы еще в 2031 году и раньше носила имя ее владельца, но Народная партия сочла это неприемлемым, и строение переименовали; то ли в честь всех людей, то ли в честь Партии.

Расположенная на пересечении главных дорог АГС-4, до войны башня быстро обрела подобными ей зданиями, но ни одно из них и вполтину не было так же высоко, как она. Почти полтора километра высотой, «Народная башня» должна была символизировать мощь Всеобщего Государства, но множественные металлические заплатки поверх стеклянного фасада поубавили блеска этому когда-то великолепному зданию. Как и почти все в Столице, его нужно спасать.

«Чем больше имеешь, тем с большей жадностью стремишься к тому, чего у тебя нет».

Мне не раз приходилось слышать, что я не тот, кем себя считаю. Люди, отказавшиеся признавать существование личности, назвали человечество единым организмом. Меня же они назвали устаревшей моделью человека прошлого, неприспособленной к жизни в мире духа. Слишком материальный, часто говорили мои враги, утверждая, что я – властолюбивый богач, которому нужно только влияние. Некоторые зрители Всеобщего Верования нарекли меня ложным пастырем. Мол, я стараюсь сбить всеобщан с истинного пути к Господу. Они всегда называли меня человеком, который не готов к изменениям, не готов к росту и осознанию незначительности жизни. Быть может, я и не готов умирать! Я не хочу быть готовым сдаваться. Способен показать им их же ошибки. Я им еще покажу.

Я расположился на заднем сидении дешевого электромобиля, арендованного для меня Вторым Всеобщим каналом. Проезжая по улицам рушащейся на глазах Столицы, я был занят мыслями о том, что сегодня никто и не пытается помешать городу превратиться в пепел. Люди будто... сдались. Беспомощность называют испытанием, прохождение которого достойно уважения. Уважения, которое своей ценностью может перекрыть саму важность попытки побороть беспомощность. Уметь смириться с поражением важнее, чем уметь побеждать. Я подумал, что это больше похоже на оправдания, нежели на размышления здорового человека. Разве могут двигаться в лучшую сторону люди, отрицающие пользу прогресса, который хорош по своему определению? Прогресс. Если они против экономического, технологического или любого другого прогресса, то они, выходит, против развития в любом виде. Если же они против развития, то, судя по их же словам, «необузданная» сила природы скоро сотрет в порошок не только Столицу Всеобщего Государства, но и все человечество. Если подумать, они и не против.

Мы замедлились: все три полосы движения были скованы одной пробкой. В центре Четвертого Автономного жили все состоятельные граждане Столицы. Треть всех электромобилей Всеобщего стояли в пробке. Их не было много, но из-за частых вмешательств дилетантов в работу Надсистемного контролера движение в Столице сегодня организовано ужасно.

– Мы можем двигаться быстрее? – спросил я у водителя.

– Зачем? Не беспокойтесь, поездка оплачена, – лениво пробормотал он.

– Нет никаких объездных путей?

– Вы что, самый умный? Говорю же...

Я вышел из такси и направил по тротуару в сторону телестудии. В воскресный вечер двадцать первого ноября снег падал в виде огромных хлопьев, которые таяли, приближаясь

к асфальту. Уровнем ниже, как я понял, располагалась котельная или что-либо еще, способное нагревать поверхность земли. В лучшем для проживания Секторе Столицы запах дорогих духов смешивался с вонью из канализации.

– Мы все в ловушке! – прохрипел старый бородатый нищий, встретившийся со мной взглядом. – И ты тоже! Я видел тебя в газете... Думаешь, ты спасешься, раз такой богатый?

Я остановился и посмотрел на него. Казалось, бродяга хотел произвести впечатление на меня своими словами. Хотя они и не стали для меня открытием, я услышал их в нужное время. У него получилось удивить меня.

– Ага, ты все правильно понял! Богу нет дела до твоего состояния, твоей машины или твоего титула, потому что мы все одинаково ничтожны перед ним! Для него мы, в первую очередь, дети своих родителей. Из-за этого мы должны поплатиться за грехи прошлого. Покайся! Худший представитель человеческого рода!

Я презирал его, но не мог оторвать глаз от нищего, символизировавшего для меня в этот момент всех граждан Всеобщего. Разве могу я стоять на месте, когда пятьдесят миллионов человек ждут помощи? Возможно, даже не все из них знают, что она им нужна, но это не оправдывает мое бездействие. Я должен высказаться. Обязан донести до людей свои мысли, чтобы дать им шанс встать на мою сторону. Они имеют право слышать не только то, что говорит Народная партия. Они должны услышать правду.

– По-твоему, я – худший из людей? – спросил я из интереса.

Неожиданно для самого себя я заметил плотную корку на лбу бродяги. Коричневые оспенные язвы покрыли кожу человека вдоль линии роста волос. Такая же сыпь виднелась и на ладонях. Я отшатнулся от нищего и пожалел, что вообще с ним заговорил. Отвратительно. Не пройдет и двух дней, как он весь покроется язвами. В течение недели наступят бред или даже судороги, а через десять-пятнадцать дней он умрет.

По словам Народной партии, натуральная оспа всегда была неизлечима, и всегда от нее умирали люди. Я же слышал, что вспышка началась в тридцатых в результате утечки вируса из исследовательской лаборатории. Рассказавший мне это медик утверждал, что инфекцию победили еще в двадцатом веке, а до войны не уничтожили лишь в научных целях. Если его слова правдивы, человечество сделало шаг назад в развитии, позволив старым бедам вновь взять над собой контроль.

– А как же! – отозвался нищий. – Ты ведь творец? Никакой ты не творец! Ага! Когда нормальные люди поняли, что настало время замолить грехи, ты пошел по пути преступников, которые завели людей в эту яму. Не оправдывайся! Не говори, что тебя папаша таким сделал! Ты же у нас личность? Савин! – Он прокричал мою фамилию как оскорбление. – Я тебя ненавижу! Покайся, чтобы Бог тебя простил! Тебе не избежать смерти, так подготовься к ней!

Именно таким и должен быть человек? Копищающаяся в мусоре куча дряблого мяса и есть достойный представитель человеческого рода?

Не слушая бродягу, я продолжил путь, оставив его позади. Он мне противен. Такой грязный, слабый, злой. Если что-то и могло сделать этот вечер лучше, то точно не спор с ним, решил я. Но нищий пошел за мной по пятам.

– И все пусть знают: человечество обречено! Мы умрем, потому что это заслужили наши предки, не считавшиеся с Богом! Мы умрем за них!

Шедшие нам навстречу полицейские обратили внимание на нищего, выхватили свои резиновые дубинки и, глядя на него, прошли по обе стороны от меня. Я невольно стал свидетелем избиения. Хотел закрыть глаза от отвращения, когда старикан упал в грязную лужу. Блюстители закона уложили человека лицом в грязь, нанеся несколько ударов по спине, щелкнули наручниками. Бродяга сначала дергался и кричал нечто невнятное, но быстро утихомирился.

Когда я оборачивался, собираясь идти в студию Второго Всеобщего, полицейские что-то прошептали нищему, и он, мотая головой во все доступные стороны, закричал:

– Господь все видит! И он нас не простит! Покайтесь! Покайтесь!

Я слышал стоны даже за пятнадцать метров.

– Нет! Не простит...

Должно быть, они продолжили избивать его, и это возымело эффект, так как через несколько секунд я услышал издали другие слова бродяги:

– Ладно! Покайтесь, и Господь простит вас!

Елизаветинская улица – широкая дорога на третьем вертикальном уровне Столицы, с юга на север ведущая к канделябру высоченных небоскребов. Идя по ней, я вспоминал, как сам начал заниматься строительством. Как и все в наше время, я продолжил дело отца, но заниматься бизнесом – дело добровольное, и это был мой собственный выбор. Мог бы и отказаться. Конечно, шедеврам в этом мире места не осталось. Дома для нищих, храмы Всеобщего Верования. Мелковато как для меня, так и для всего человечества. Как бы то ни было, я бы никогда себе не простил, если бы позволил Народной партии или Фронту Семьи определять мою судьбу. Это не Бог сделал меня строителем, и не отец. Это я.

Построить что-нибудь с таким размахом уже никто не сможет. Лучшие инженеры, архитекторы (впрочем, как и врачи с экономистами) уже давно либо скончались, либо осуждены и распределены по колониям. Не глядя на факты, Партия всегда находила основания убрать неугодных ей людей, и почему-то всегда выходило так, что неугодные ей люди – лучшие представители человеческого рода. Специалисты исчезают в мире дураков, и вместе с ними исчезают знания. Люди возвращаются в палеолит, и единственное, что я им должен – не допустить этого. Даже если их будущее предопределено, я не позволю ему умереть.

– Внимание, граждане Столицы! Администрация города напоминает, что спуск на нижний уровень Четвертого Автономного городского сектора представляет опасность для жизни. Не посещайте первый уровень АГС-4.

Это позор. Теперь человек, покоритель мира, вынужден избегать контакта с собственным изобретением. Мне немного известно о Центральных компьютерах секторов Столицы, потому что подобного рода эксперименты нигде не проводились, кроме этого города, но я уверен, что целью этой перестройки не было запугать население или отобрать у жителей нижнего уровня их дома. В этом виновата не техника, а люди, спустя годы лишившие ее поддержки и позволившие ей выйти из строя.

Я приехал в Столицу вчера, и на железнодорожном вокзале все прибывшие проходили инструктаж. Людей убеждали в том, что вся техника в большей или меньшей степени представляет для них опасность. Говорили, что компьютеры – порождение зла, а технологии – заговор против человечества. Иронично, что люди в поезде лишь разносили еду и белье: весь многочасовой процесс обеспечивали машины.

Я оказался так близко к небоскребу, что трудно было охватить взглядом за раз даже его нижнюю треть. Уже темнело, но огни в окнах можно было пересчитать по пальцам, не говоря уж о подсветке фасадов, которая включалась лишь по праздникам. Многие здания были частично разрушены, но не войной, а временем. Война прервала стройку, которая шла тут в тридцатые годы – грузоподъемные краны и самосвалы остались на своих местах на десятилетия. Надеюсь, не навсегда. Как и весь Четвертый сектор, квартал нагонял тоску.

Подходя к входу, я увидел женщину в строгом костюме и очках. Противного серо-зеленого цвета платок не шее дал мне понять, что именно она и должна меня проводить в студию.

– Здравствуйте, Александр Федорович, вы как раз вовремя. До начала осталось восемнадцать минут. Удалось добраться без приключений?

Я отметил раскинувшийся метрах в десяти или одиннадцати над входом широкий стеклянный навес, защищавший двери от осадков. Многие стеклянные панели, из которых он состоял, были разбиты. Растаявший снег мелкими каплями падал на землю.

– Не беспокойтесь, все в порядке.

– И слава богу.

В отличие от фасада здания, главный холл «Народной Башни» был оформлен в стиле арт-деко, подражая величественным постройкам двадцатого века, а не стремясь в будущее. Я никогда не был любителем подобного оформления, но и было бы нечестно сказать, что блестящий золотом и серебром просторный зал некрасив.

Пересекая его по гладкому бордовому полу, я встретил не более десяти человек. В лифте мы и вовсе ехали одни. Здание с площадью более полумиллиона квадратных метров пустовало.

Пройдя по коридорам четвертого этажа, мы пришли в главное отделение Второго Всеобщего канала. Стекло отгораживало нас от студии, где за желто-оранжевым столом выступал человек с Фронта Семьи – единственной организации, телепрограммы которой представлены на всех каналах страны. Ведущий рассказывал об успехах, которых удалось Фронту достичь за прошедшую неделю: о введенных в эксплуатацию домах для бедных, об освященных храмах, исправленных изменниках. Позади него раскинулась огромная надпись:

БУДУЩЕЕ НЕИЗБЕЖНО

Я точно не знал, что именно значат эти слова. Когда я учился в школе, к нам приходили люди с Фронта Семьи и продвигали эту идею детям. Они убеждали восьмилетних школьников в том, что будущее представляет собой нечто непоколебимое, что оно предопределено, и пытаться как-то повлиять на него так же бессмысленно, как и на прошлое. Они говорили, что

завтрашний день недоступен людям до того момента, как окружающие их силы не создадут его. Когда школьники спрашивали, почему будущего нужно бояться, им отвечали, что они смогут это понять, когда вырастут, а сейчас надо верить на слово. Откровенно говоря, я до сих пор не понял причины, по которой надо бояться завтрашнего дня.

– Вы вправе вести себя раскованно. Нет нужды держаться излишне формально, но, пожалуйста, говорите пассивом. Если Бог даст добро, вы сами поймете, что можно обратиться к товарищу Хэнксу на «ты».

Пассивный говор сформировался в начале сороковых, когда Партия посчитала необходимым употребление слов «решусь», «смею» и словосочетания «внешние силы» для того, чтобы не разгневать Бога. Смотрители поддерживали инициативу, заявили, мол, люди много о себе думают, когда называют себя вершителями своей судьбы.

Среди прочих правил приличия, говорить о человеке плохо в его присутствии неприято. Если необходимо указать на какой-то его порок, нужно доносить информацию как бы невзначай, чтобы не обидеть собеседника. По той же причине обсуждать людей за глаза можно. Оборачиваться вслед прохожим нежелательно, а смотреть в глаза незнакомцам и вовсе запрещено. Наши слабые собратья могут испытывать дискомфорт от излишней близости, и избежать ее – меньшее, чем мы можем им помочь.

– Эфир через одиннадцать минут, – бросила моя спутница. – Проходите.

Я вошел в темно-зеленую студию, где сидел до боли знакомый мне ведущий с гармонизирующими со студией бледно-зелеными глазами, такими же тусклыми, как и все вокруг. Активно шла подготовка к съемкам программы.

– Сядьте, чтобы мы могли уже начать! – крикнул кто-то из-за спины.

Пока на меня вешали микрофон, я осмотрелся. За моей спиной висело черное продолговатое табло, предназначенное для отображения текста ведущего. Мне такое не полагалось, но какой-то паренек в клетчатой рубашке протянул мне бумаги с вариантами ответов, которые я мог озвучить на избранные вопросы ведущего.

– Что это? – демонстративно спросил я.

– Твое мнение насчет темы выпуска.

– Загрязнение окружающей среды? Я строитель, а не эколог...

Заявленной темой ток-шоу было возведение домов для малоимущих в шестидесятых. Должно быть, меня опрокинули. Как бы то ни было, никто сейчас меня не слушал. Я положил листы бумаги на столик перед собой и поудобнее расположился в кресле болотного цвета. Откуда-то издали послышался обратный отсчет, а я так и не решил, что же именно буду говорить.

– Здравствуйте, уважаемые телезрители. Для вас в эфире «Вопрос недели» на Втором Всеобщем канале. Меня зовут Бобби Хэнкс, и сегодняшний выпуск посвящен экологическим проблемам, вопросу использования человеком его дома, а наш специальный гость – Александр Федорович Савин! Этот успешный предприниматель известен всем нам и не нуждается в долгом представлении. Добрый вечер, товарищ Савин.

– Добрый вечер.

– Вы были сюда приглашены не просто как человек, которому посчастливилось сколотить состояние на недвижимости, но как наш близкий друг, мнением которого мы должны дорожить. Позицию которого обязаны уважать. Вам дано это понять?

Черта с два. Если бы вы им дорожили, на столике передо мной сейчас бы не лежали три листа текста.

– Да, ко мне пришло понимание.

– Превосходно! – Внешне Хэнкс был настроен вполне дружелюбно. Двухличный шоумен. – Торопиться нам некуда, так, значит, мы вправе услышать, чем вам дано заниматься в последнее время?

Звучит так, как будто род деятельности у какого-нибудь гражданина Всеобщего Государства может поменяться. Простые граждане наследуют должности своих родителей только потому, что невозможно поставить на них кого-то со стороны, так что уж говорить о компаниях?

– «Савин и Колыт» названа именами не ее сегодняшних владельцев, а именами их отцов. Уже тридцать два года мы занимаемся гражданским строительством и сегодня решаемся занимать лидирующую позицию в этой отрасли во Всеобщем Государстве.

– Стало быть, и во всем мире! – щелкнул пальцами в мою сторону ведущий.

– Стало быть, и во всем мире. Возможно.

– И каково быть избранником Небес на роль одного из самых богатых людей в мире?

– Каким мне представляется тот факт, что строительство вновь стало самым прибыльным бизнесом в мире? Это шаг назад.

– То есть это расстраивает вас?

– Положение в мире расстраивает, но не мое.

– До вас, уважаемые телезрители, уже долетел этот звук? Превосходство над окружающими вас людьми не сделает вас счастливыми, потому что всем в душе дано понять: по большому счету у «успешных» людей нет отличий от их «обычных» собратьев. Индивидуальность – выдумка прогресса.

Я захотел поспорить с ним на этот счет, но подумал, что мой микрофон выключится в тот же момент, когда я перейду черту. Пока это не критично, я вынужден играть по их правилам.

– Ваше мнение совпадает с этим, товарищ Савин? – закончил Боб Хэнкс.

– Давайте к теме передачи.

– Тогда решусь приступить, – сказал мгновенно повернувшийся к оператору ведущий. – К нам, уважаемые телезрители, пришло письмо от зрителя из Города Юга. Как и всех нас, его очень беспокоит состояние нашей планеты. Александру Савину, как к эксперту в области строительства, задан вопрос: имеют ли люди право продолжать эксплуатировать Землю после Третьей войны и нанесения планете такого страшного ущерба? – Он повернулся ко мне лицом.

Вопрос на мгновение поставил меня в тупик.

– Вас интересует мое мнение?

– Да. Ведь никто из нас не лишен осознания того, что всякому терпению есть границы. – Хэнкс бросил быстрый взгляд в камеру, как бы обращаясь к зрителям. – Планета – наш дом, и наше первейшее дело – сохранить ее такой, какой она когда-то была. Такой же свободной, чистой и непорочной. Так скажите, товарищ Савин, имеем ли мы право на *убийство* матери?

Я отвел взгляд от Хэнкса и осмотрелся: в помещении было около пятнадцати человек, и все они смотрели на меня. Нет, никто не ждал моего ответа, и изображать интерес операторам и гримерам, в отличие от ведущего, было ни к чему. Они просто выполняли свою работу. И это до них я попытаюсь донести свое мнение? Посмотрим.

– А у людей есть альтернатива? – ответил я вопросом на вопрос.

– Что, простите?

Грубо сказал, но сейчас я им покажу. Увидят. Пожалуй, откажусь от пассива.

– Я хочу сказать, что загрязнение окружающей среды, конечно, ничего хорошего не несет, но как вы представляете себе мир, где человек отказался что-то менять вокруг себя?

– Нам дано представление мира, где не стремление расти покинуло людей, а где они просто решились поступить по совести. – Ведущий вновь взглянул в камеру. Будет по-прежнему придерживаться вежливого пассивного говора. И пускай. Он будет говорить пассивом, а я буду говорить правду.

– Что, простите? – ловко парировал я.

– Решились поступить, слушая свое сердце.

– А для этого нужно отказаться от разума?

Я знал, что за моей спиной расположен экран с бегущей строкой, но Боб Хэнкс смотрел мне в глаза, игнорируя это табло.

– Мы все должны понимать, товарищ Савин, что природой был создан *идеальный* мир. Земля, созданная Богом, не имела тех пороков, которые пришли на нее вместе с человеком. Да, Бог дал человеку жизнь, но он не просил человека лишать жизни мать всех людей и точно не рассчитывал однажды увидеть Землю такой, какой ее сделали подлые эгоисты прошлого. Другими словами, человек – гнусный паразит, на протяжении всего своего существования только и делавший, что разрушавший прекрасный мир. Людям ударило в головы желание увидеть себя героями и творцами, они решились выдумать долг существа *разумного*, забыв, что единственный смысл всякой жизни – любовь, необъяснимая и непобедимая.

Я не смотрел на него, а обратился к камере, к каждому зрителю, который мог меня услышать. Настало время высказаться, подумал я.

– Понимаете... если в существовании человека и есть смысл, то этот смысл – привносить новое. Человек только тогда оправдывает собственное существование, когда позволяет себе, вобрав все данное ему окружающим миром, изменить его. – Я оглянулся по сторонам, захотев оценить произведенное впечатление, но было слишком рано. – Какой смысл жить, если конечным итогом любой жизни становится новая жизнь? Процесс ради процесса не имеет никакого значения и не приносит результата. Я не говорю, что продолжение чело-

веческого рода бессмысленно, потому что только этот процесс придает значение любой деятельности человека, что направлена на улучшение качества жизни последующих поколений.

– Вот это да! А ваш настрой радикален. Неужели вы смеете отрицать смысл жизни?

Отрицать не моя характерная черта, старикан.

– Ни в коем случае, – улыбнулся я ведущему. – Я лишь утверждаю, что не остается никакого смысла существовать, если из года в год мир вокруг нас остается прежним. Даже не так... Если мы будем бездействовать, оставляя все прежним, этот мир нас уничтожит.

– И почему же?

– Потому что миру несвойственно стоять на месте.

– Именно! Точка соприкосновения все-таки нашла нас, *верно?* —

Хэнкс поднял брови, по-дружески улыбнулся и наклонился ко мне, из-за чего его костюм приобрел некрасивую мятую форму. – Окружающий нас мир силен, и мы не имеем права этого не признавать. Как становится очевидным для вас, дорогие друзья, даже самые отчаянные индивидуалисты считаются с природой.

– Мы ее покоряем!

– Какое смелое и глупое заявление! Вздор!

Сказав это, ведущий в очередной раз бросил игривый взгляд в объектив. Скорее всего, он искал поддержки у зрителей, хоть вовсе и не сомневался себе. Хуже всего было то, что он ее найдет. Открыто споря с Бобом Хэнксом, я пытался не перейти на крик. Это не мой метод.

– Вздор – это кричать, что все идет по какому-то неведомому плану, падая с обрыва. Нам даны руки и ноги, чтобы преодолевать силу тяжести. Нам дан разум, чтобы преодолевать силы природы.

– Товарищ Савин, давайте не будем углубляться в такое...

Кто-то подошел к ведущему и заговорил с ним, но я не обратил на это внимания. Должно быть, все пошло не так, как предполагали составители программы, и причиной тому стали мои действия. Несмотря ни на что, никто больше не пытался меня остановить.

– Скажете, что люди сегодня разрушают дивный мир, построенный Богом? Не смею противиться! Посмотрите вокруг: мы живем на руинах былой цивилизации, и лишь единицы из нас решаются создавать и творить, а не паразитировать на созданном людьми прошлого. Сегодня усилие что-то изменить равнозначно поражению, а любое поражение влечет наказание. Никакого поощрения труда – одно лишь угнетение успеха. За последние тридцать лет не появилось ни одного стоящего изобретения, которое сделало бы человеческую жизнь лучше. Вы говорите, что эволюция не является целью существования, ведь она якобы приносит лишь горе и разрушение, а я считаю, что движение должно и может быть направлено в лучшую сторону. Стагнация всегда предшествует краху. Наше общество уже десятки лет живет в атмосфере всеобщей любви, равноправия и взаимопомощи, отказавшись от прогресса, назвав его «бессмысленным и разрушающим баланс». И чего мы добились за эти годы?! Неужели сегодняшнее положение дел можно назвать прекрасным? Посмотрите по сторонам! О наступлении антиутопии в газетах не напишут!

Вставить в выступление заголовки той брошюры, подумал я, будет данью уважения к ее создателю.

– Только тот обречен на страдания, кто верит, что их заслуживает. У нас всех есть выбор: жить или сдаться и погибнуть. Мы вправе не остаться последним поколением людей на Земле, и обязаны этим правом воспользоваться. Сплотившись, направив все усилия на самозащиту, мы можем дать будущее себе и своим детям. Все зависит от нас самих...

У меня закончился воздух, и я посмотрел на оператора, который отошел в сторону и что-то обсуждал с помощником. Я увидел, что Хэнкс покинул помещение, а камеру отключили. Слева от меня стояли трое парней с дубинками.

– Что? Нет!

Подпрыгнув, я ударил одного из них и попытался выхватить из его рук дубинку, но она упала на пол. Миновал кресло через спинку и попытался бежать, и верзилы тут же на меня набросились, повалив лицом на ковер. Я отключился.

– Георгиев!

– Смею быть!

Юрий мигом обернулся и увидел полковника Дуань, главу Государственного отдела бдения. Сегодня этот высокий грузный южанин сменил свой обычный дешевый деловой костюм на столь же дешевый свитер, выглядывавший из-под старой кожаной куртки. Хотя служащим Госотдела бдения форма и не полагалась, для старшего лейтенанта стал неожиданным наряд начальника. Позади полковника стоял растерянный щекастый парень лет восемнадцати с виноватым видом.

– Юр, разве тебе не передали мой приказ занять место внизу?

– Так точно, товарищ полковник. Передали.

Юрий Георгиев взглянул на дорогу, проходившую двадцатью метрами ниже места, на котором он стоял. Служащие ГОБ находились на втором уровне Первого Автономного городского сектора, а широкая улица, по которой предстояло продвигаться кортежу министерства, – на первом. В этом месте вертикальные уровни срезались подобно ступеням-ярусам, уходя вниз, к первому.

– Так почему же ты здесь, сынок?

– Пусть вас не смущают обстоятельства... – Юрий замялся. Говорить пассивом у него выходило плохо. – Смеее ли понять, товарищ полковник... Силы побудили меня осмотреться, и, несмотря на то, что мне передали ваше распоряжение...

Двадцать четвертого ноября 2066 года в Столице чествовали министра зарубежных дел, вернувшегося из длительной и невероятно опасной поездки к границе с Азиатской пустошью. Там он должен был провести переговоры с некоторыми лидерами банд и оценить состояние армии Всеобщего Государства. Этот важный день был расписан (телевизионщиками, в том числе), еще когда он покидал город, в мае.

– У меня не вышло не прийти сюда.

Юрий начал сам не себя злиться, потому что за двадцать три года жизни так и не научился складывать слова в предложения так, как это требовалось в общении с высокопоставленными личностями.

– Так получилось.

Дуань вскинул левую руку вверх, тем самым приказывая старшему лейтенанту замолчать. «Нужно повиноваться», – напомнил себе Юрий. Он уже и сам успел пожалеть, что позволил себе покинуть пост, так надо еще и от полковника выслушивать упреки.

– Отставить. Забудь ты, сына, про пассив. Давай по-человечески. По-людски?

Юрию не нравилось, что его начальник пренебрегает уставом, но пассивный говор не нравился ему еще больше.

– По-людски, товарищ полковник.

– Ты хороший парень, Юра, но ты не можешь успевать все сразу. Понимаешь?

– Да. Любые действия, следующие за отвлеченными мыслями, мешают исполнению должностных обязанностей.

– Именно, старлей, ты прав. Тебе нужен помощник.

– Что?

– Сам ты не можешь делать и то и другое, но вдвоем с кем-нибудь...

В этот момент товарищ Георгиев по-новому взглянул на парня возле полковника, а начальник Государственного отдела бдения слегка расслабился и как-то подобрел. «Разумеется, ради этого он и пришел», – понял Юрий. Затем он подумал, что, возможно, Дуань изначально все это задумал для того, чтобы просунуть подчиненному стажера. Старшему лейтенанту все стало понятно, хотя перспектива получить балласт в виде неопытного подростка и не казалась ему такой уж радужной. Впрочем, слово начальства – закон.

– Пожалуй, отдам тебе новенького. – Вот это неожиданность, ага! – Он не был ни на одном задержании, хороший наставник ему потребуется. И он тебе поможет, и ты ему, ясно?

– Помощь? Но как же, товарищ полковник...

– Это будет полезно для всех. Да... В тяжелые времена мы должны действовать нестандартно, и мне кажется, что я могу поступить так. Спасая парнишку от скучной программы в отделении, выделяя его тебе, сынок. Но не смей воспринимать это как подарок, Юра. Мы все должны приложить усилия к сохранению порядка во Всеобщем Государстве.

Юрий взглянул на Щекастого: опрятный и высокий, он тупо смотрел сквозь новоиспеченного руководителя. Складки же у рта его создавали впечатление, что парень постоянно улыбается. «Наверное, – подумал слуга народа, – совсем идиот».

– И что прикажете мне дальше делать? – спросил Юрий у уходящего полковника.

– А мне почему знать? Что угодно!

Дуань пошел наверх. Оставшись наедине со стажером, Георгиев спросил его имя (которое он даже не постарался запомнить) и решил поскорее спуститься к балкону на втором этаже первого уровня, выходящему прямо на улицу, предназначенную для проезда кортежа министерства.

Ничто в личности Щекастого не интересовало его наставника. Юрий был уверен в том, что стажер – преемник своего отца. Или дяди. Или сестры. В любом случае его назначили на службу в Государственном отделе бдения не из-за его стремления там работать или способностей, а лишь потому, что место для него там было уготовано еще до его рождения.

Передвигаться по вертикали и горизонтали внутри отдела можно, но вот покинуть его – нельзя. Попасть же в ГОБ возможно единственным способом – заменить какого-то своего родственника.

Чтобы ввести человека на должность, необходимо решить множество проблем технических: Старший лейтенант Георгиев даже слышал, что в течение ближайших десяти лет определители личности перестанут принимать людей с доступом за их дедов и отцов, которым этот доступ принадлежит на самом деле. «Если это так, – мелькнуло в голове Юрия, – Народной партии нужно что-то срочно предпринять». Но служитель закона тут же отбросил эту мысль в дальний угол своего сознания, чтобы не подрывать собственную веру в Партию. Постоянная бдительность. Важно следить за мыслями.

– Тебе известно, почему люди с нашего отдела сегодня здесь? – спросил Юрий у Щекастого, идя по крутой ржавой лестнице вниз.

– Да, товарищ старший лейтенант. Мы должны позаботиться о безопасности кортежа товарища Арилова во время съемок телевизионного сюжета для Второго и Третьего Всеобщих каналов...

– В таких случаях власти ограничиваются полицией и нас не привлекают. – Гобовец наслаждался секундным ступором Щекастого. – Мы ждем появления Эдриана.

– Джеймса Эдриана?! Террориста-маньяка?

Идиот!

– Изменника. Он... бандит. Есть некоторая разница между этими понятиями. Бандит со своими целями и методами.

– А вы знаете его цели?!

– Нет.

Мужчины остановились у мраморной балюстрады, и Георгиев облокотился на нее, осматриваясь вокруг. Густой туман простилался по одной из главных дорог АГС-1, ведущей к зданию Народной партии с юго-востока. Это было впечатляющее место. Здесь ни один вертикальный уровень не накрывал другой – первый располагался как бы посередине, по бокам от дороги – второй, а дальше, подобно последней ступеньке лестницы, третий. Уровни образовывали собой нечто наподобие реки с крутыми берегами. Проведя взглядом по противоположной стороне улицы, Юрий увидел толпу народа, собранного для съемок. Пятьдесят-шестьдесят человек стояли вплотную к проезжей части, но служащему ГОБ было достоверно известно, что они не могут выйти на нее: невидимые ворота с определителем личности отгораживали их от места проезда кортежа. Единственным намеком на наличие преграды были четыре светящиеся лампочки на стенах. Именно они испускали смертельно опасные лучи ворот. Товарищ Георгиев не знал, почему для телевидения требовались актеры массовки. Впрочем, это не его ума дело.

– Товарищ старший лейтенант, а что делать, если предатели действительно...

– Молчи.

У дороги появился взвод солдат в парадной форме. Тридцать два человека колонной вышли к ней, торжественно покрутились вокруг своей оси, помахали оружием и выстроились вдоль дороги в шеренгу. Позеры.

– Народная партия предупреждает: общение неподготовленных граждан Всеобщего Государства с лицами из-за рубежа представляет для них опасность и преследуется по закону. Личности, уличенные в связях с чужеземцами, будут наказаны. Сегодня мы все должны служить на благо своей Родины, чтобы завтра Всеобщее Государство могло защитить и накормить нас. Будьте преданы Родине и помните: все люди – братья. Вся для...

Лившийся из далекого динамика пропагандистский ролик оборвался со свистом, и заиграла торжественная музыка. Поначалу почти незаметная, она становилась все громче, и Юрий знал, что в это время присланные с телевидения люди включали видеокамеры, проверяли состояние микрофонов. Толпа внизу чуть оживилась, а через несколько секунд уже вовсю ликовала. Люди радостно кричали имя министра, прославляли Народную партию и Всеобщее Государство, некоторые даже откуда-то достали флаги. Наверное, сейчас *они* были под прицелом камер.

Георгиев увидел кортеж министра зарубежных дел. Шесть белых электромобилей – внутри трех из них, насколько ему было известно, находились только водители – медленно ехали по дороге, а где-то за спиной гобовца, в стеклянной комнате управления пятьюдесятью метрами выше, операторы с телевидения снимали процесс.

Вид движущейся в тумане колонны смутно напомнил Юрию случай из прошлого, и ему потребовалось несколько секунд для того, чтобы вспомнить день из детства, когда он впервые увидел служащих Госотдела бдения, направлявшихся тогда на операцию. Еще в семнадцать лет наш герой решил, что хочет служить в ГОБ, и судьба дала на это добро.

Внезапно взгляд Юрия сам сфокусировался на воротах, отгораживавших толпу от дороги: свет у краев погас, и люди посыпали через них без цели. Один мужчина вырвался вперед остальных и побежал ко второму электромобилю. Служитель закона издали увидел, как злодей достает из куртки пистолет, и ринулся к пожарной лестнице на фасаде, проходившей возле балкона.

Торопливо спускаясь вниз, держа в руках холодную влажную лестницу, товарищ Георгиев не видел происходящего на дороге, но мог слышать выстрел снайпера с крыши, направивший пулю в сторону нарушителя. Слуга народа спрыгнул на асфальт, пересек грязную лужу и обогнул остановившуюся машину.

Бездыханный Арилов выпал из салона, оставив там ноги, а спиной повалившись на землю. Покинувшие соседний электромобиль охранники на глазах гововца выстрелили в преступника. Тот упал.

– Вы че творите?!

Один из парней Арилова направил на Юрия пистолет, но наш герой тут же показал громиле удостоверение, оставив его в руке охранника. Пока тот разглядывал корочку, Юрий Георгиев приблизился к министру, но пытаться ему помочь было бесполезно.

Вызванный главой отдела, защитник справедливости уже через семь минут стоял в комнате управления, до которой Щекастый проследовал за ним.

До войны, когда за регулировку движения в Столице отвечали компьютеры, эта операторская была одним из немногих мест, где люди контролировали их работу. Хоть совсем недавно огромная стена и была прозрачная, сейчас через нее ничего нельзя было разглядеть. «Наверное, – решил Юрий, – какие-то технологии тридцатых или даже двадцатых.

– Как вы понимаете, ребята, дела плохи, – констатировал Дуань. – Да уж. Точно могу сказать, что от убийцы мы ничего не добьемся. За это можете поблагодарить верзил из министерства зарубежных дел. Но имя его пособника – можете быть уверены – мы узнаем уже сегодня. Это должен быть кто-то из технического обеспечения Надсистемного контролера, да еще и с прямым доступом к управлению. Но, быть может, это и какой-нибудь репортер со Второго Всеобщего канала, – усмехнулся полковник, глядя на оставленное телевизионщиками оборудование. – Вопросы?

Юрий посмотрел на сослуживцев. Всего в помещении стояли одиннадцать человек, задействованных в организации съемок. Когда за дело берутся люди из ГОБ, хочется верить, что все пройдет гладко, но сегодня они облажались. Гововцы потерпели серьезное поражение, и почти не имеет значения то, кто именно его нанес. Это не просто удар по репутации Госотдела бдения, а серьезное преступление против Всеобщего Государства и всех его граждан.

– Товарищ полковник, а что будет с роликом с парада? – раздалось слева от старшего лейтенанта.

– Никакого ролика не будет. Наверняка покажут в эфире очередной репортаж с «Фронта Семьи», замнут историю с кортежем, а через неделю у нас уже будет новый министр зарубежных дел.

– Но что могут тогда подумать люди?

– Это уже не наша забота. Не бери в голову, – пробурчал Дуань. – Старлей!

– Смею быть, товарищ полковник, – отозвался Георгиев.

– Юра, возможно, это дело на нас же и скинут. Ничего не обещаю, но будь готов заняться им, если это все-таки случится, сынок. Славно?

– Славно, товарищ полковник, – безрадостно ответил старший лейтенант.

Ты напуган. Разве этого ты хотел, мечтая, что в твою жизнь ворвется нечто невообразимое? Ты годами ждал, как привычный ход вещей нарушится, и вот он – выход из зоны комфорта. Да, так уже не говорят. Комфорт не норма.

Ты почувствовал, что тебя облили ледяной водой и тут же открыл глаза. Еще вчера, казалось бы, вел обычную жизнь, но сейчас был привязан к стулу, стоящему посреди просторного старого гаража. Перед тобой стояли два незнакомца в протертых костюмах. Серые и почти неотличимые друг от друга, они в упор смотрели на тебя. И один из них смотрел

сквозь мутные очки. Можно было подумать, что в таком положении они провели не один час, но тебе было не до этого.

– Мы знаем, что ты работаешь на Джима Эдриана, – не без угрозы сказал очкастый. – Предатель.

Он сказал это без ярости, но со своеобразным удовлетворением. Затем сделал несколько быстрых шагов в твою сторону, после чего ударил тебя кулаком в грудь. Металлический стул, на котором ты сидел, покачнулся на задних ножках и упал на спинку, прижав твои руки к полу. Ты вскрикнул от неожиданности и боли одновременно. Парни в костюмах подошли к тебе. Теперь они смотрели на тебя сверху вниз.

– Мы из Государственного отдела бдения, – сказал парень в очках. – И нашему начальнику сильно не понравилось, что при нем застрелили важного государственного чиновника. А ты должен понимать, что разозлить ГОБ это не то же самое, что украсть батон из магазина. Сегодня утром ты сильно накосячил, дружок.

Второй усмехнулся и сказал:

– Мы должны получить чистосердечное признание и информацию о твоём боссе. И если первое мы можем и сами сострять, то вот про Джеймса Эдриана...

– Я не из банды Эдриана! – неожиданно даже для себя крикнул ты в потолок и тут же пожалел об этом.

– Нам подойдет любая информация. – Очкастый не обратил на твои слова внимания и отошел от тебя. – Расскажи, где находится его база, или назови количество его бандитов. Сколько человек на него работает? Что угодно, за что мы могли бы сократить твой срок. Дело серьезное, но ты еще можешь себе помочь.

Ты повернул голову направо и увидел, что очкастый снял пиджак и повесил его на стул, а на металлический стол со стуком положил револьвер.

– Тут все очевидно, Макс, – сказал очкастый. – Джиму нужен был кто-нибудь с доступом к управлению Аланом, и он нашел подходящего дурака. – Гобовец подошел к тебе. – Только вот тебе, урод, должно быть известно, что любой человек с нужным генотипом может управлять Надсистемным контролером всех компьютеров Столицы. Ты переводишь все под контроль Эдриана, а он помогает тебе с карьерным ростом, ведь так? Что обещал тебе Джеймс Эдриан? Защиту от ГОБ? Лекарство от рака? Долгую и счастливую жизнь?

Пауза.

– Народ, я давно работаю в Госотделе по управлению Аланом. У меня никаких связей с преступными группировками. Я обычный гражданин...

– Обычные граждане не убивают политиков! – перебил тебя очкастый.

– Я никого не убивал!

Это была правда. Ведь ты не привык лгать сотрудникам Госотдела бдения или полиции. Это бессмысленно, да? Все равно раскроют. Когда кортеж министра Арилова продвигался по улице, кто-то из-за спины ударил тебя, и ты потерял сознание, после чего очнулся в этом гараже. Ты ничего не знал, хотя и был бы рад. Солгать? Выдумать? Нет. Раскроют.

– Но ты позволил преступнику из толпы выйти на дорогу и выстрелить в него, – вставил Макс. – Этого достаточно, чтобы сесть лет на десять. Ты хочешь сидеть, парень?

– Нет, – вырвалось у тебя.

– Давай так, – начал очкастый. – Ты подписываешь пару бумаг, где говорится, что ты являешься участником банды Джеймса Эдриана, что ты воспользовался служебным положением, чтобы помочь ему совершить террористический акт, и намеревался, пробравшись в здание Народной партии, сделать своего босса лидером Всеобщего Государства.

– Мы же сократим срок твоего заключения, – добавил Макс. – Глядишь, всего за двадцать пять лет в Азиатской ядерной пустоши ты и не превратишься в жареную картошку.

– Двадцать пять лет?!

– Всего-то! – рассмеялся Макс.

– Было же десять... Мне ничего не известно! Серьезно, мужики, вы не того арестовали.

– Не того арестовали?

Макс присел к тебе и, не дав отвернуть лицо, потрепал тебя за щеку. Его жирные толстые пальцы оттянули твою кожу, после чего он дал тебе пощечину, оставив на лице пятнышко жира.

– Стоит нам сказать, что ты в чем-то провинился, и ты действительно таким станешь. Тут никого не волнует, виновен ли ты в действительности. У тебя нет выбора, кроме возможности признаться в содеянном и приступить к сотрудничеству со следствием. Ну? Поможешь нам?

Ты лежал на спинке стула, привязанный к нему тонкой веревкой. Руки были придавлены собственным телом, а глаза смотрели в потолок. Вновь взглянув на гобовцев, ты сказал:

– Нет.

Гордый, упрямый дурак. На что ты надеешься? Ты должен был согласиться. У тебя нет шансов. Почему ты сопротивляешься? Потому что ничего не знаешь? То еще оправдание. Мог бы и сочинить что.

– Что же, – проскрипел очкастый. – Мы пока не торопимся. – Он снял со стула пиджак, надел его и протянул руку к револьверу.

– Знаешь, Серега... – начал Макс. – Думаю, мы сломаем его очень скоро.

К твоему удивлению, очкастый отвлекся и чуть ли не испуганно отдернул руку от собственного огнестрела. Он посмотрел на коллегу.

– Да, наверное, не больше двух-трех дней. По нему видно, что слабак. ГОБ таких по десять человек на дню раскалывает.

– Я не слабак! – закричал ты, неосознанно решив для самого себя, что нельзя дать очкастому Сереге взять оружие. – И если вы, неотесанные придурки, считаете, что можете меня запугать или заставить признаться в том, чего я не совершал, то вы...

– Что ты сказал? – очкастый подошел к тебе, а Макс встал у него за спиной.

– ...то вы заблуждаетесь, – лишившись всякой уверенности в себе, сказал ты.

Очкастый плюнул на тебя. Противная жидкость сползла от носа к уху.

– Ты изменник, и твое слово тут ни во что не ставится. Мы скажем, что ты признался, и пусть кто-нибудь попытается доказать обратное. Наше слово – закон.

– Но это ложь...

Макс тебя ударил ногой. Селезенка. Ты дернулся, но стул и веревка ограничили твои движения.

– Закону плевать на собственную правоту, – произнес очкастый. – На то он и неоспорим.

– Посиди тут до утра. Да и куда ты денешься?

Сотрудники Государственного отдела бдения переглянулись и, тупо усмехнувшись, пошли на выход. Когда дверь с шумом закрылась за ними, ты еще долго смотрел на нее. Затем отвернулся, пятисекундный ступор, после которого – озарение. Револьвер. Ты не мог поверить своей удаче. Тебя, конечно, подозревают в убийстве, и это ни разу не удача, но только что тебе выпал шанс спастись.

Ты посмотрел на пушку, лежавшую на холодной металлической столешнице, как на спасательный круг. Минутой ранее все получилось будто само собой. Если убить министра считается преступлением, то сопротивление бойцам ГОБ – чистой воды безумство. Если тебя заметят, убьют. Даже если удастся уйти сейчас, тебя найдут. Будут пытать. Ты слышал о куда более страшных допросах в ГОБ. Судя по всему, это только прелюдия. С другой стороны, а что ты теряешь? Хуже уже некуда. Да, можно попробовать. Нужно. Ты должен попытаться. Сделай это. Шаг первый: освободиться.

Ты захотел избавиться от веревки. Ты сжимал и расправлял плечи, тянул руки вверх и сталкивал с них веревку вниз по спинке. Раз за разом, действие за действием. Казалось бы, веревка не так туго держала тебя, но все-таки больно. Раз за разом, действие за действием. Ты заработал несколько синяков и страшно натер о бетонный пол локти, но шесть минут ушли в никуда. Ты обессилел и лежал, тяжело дыша, пока мышцы не позволили тебе принять вторую попытку. Ничего не сделал, а уже устал. Затем, поджав под себя ноги, ты уперся ими в сиденье и начал медленно выпрямляться в коленях, что и позволило тебе стянуть связанные за спиной руки со стула. В то мгновение, когда ты освободился, затекла правая икроножная мышца. Ты ухватился за нее и чуть не заплакал. Тряпка. Болезненно, но не так уж и долго.

Когда все прошло, не потратив больше на отдых ни мгновения, ты поднялся, схватил револьвер и, подойдя к двери, остановился. А что дальше-то? Если гововцы до сих пор там? Да ну, нет там никого. Иди давай. Они уже ушли.

Ты оказался на улице один. Должно быть, гововцы уехали, оставив тебя в незапертом гараже на ночь. Странно все это. Гараж, в котором тебя допрашивали, оказался одним из многих в этом месте. Старый завод – или электростанция? – расположился за городом. Стоя у западной границы Столицы, ты видел Шестой Автономный городской сектор. За ним – второй, а южнее крылся в тумане Пятый. Если сесть на метро в Шестом, то, проехав через АГС-2 и АГС-3, ты окажешься у себя дома, в Четвертом.

Скорее всего, это был вечер двадцать четвертого ноября. Ты почти не осознавал, что произошло, но если тебе и стоило куда-то идти, то точно не в Госотдел бдения. Ты решил отправиться домой. Ты читал об изменниках. Каждый, кто оставался в Столице после совершения преступления, не избегал ГОБ. Нужно уходить. В другой регион. Возможно... да. Наверняка придется уехать к границе. А что еще остается? Других вариантов-то и нет. Но сначала – домой. Дальше будет видно. Шаг второй: добраться до площади Веры в АГС-4.

Ты прошел двадцать метров вдоль забора и перелез через сетку в том месте, где она была пробита кем-то до тебя. Ты быстро спустился по заросшему мертвой полыньей склону, прошел по замерзшей грязи у реки и, не имея выбора, решил перейти ее вброд.

Неокрепший лед трескался и расходился под твоими ногами, погружая тебя в студеной воду. Та мгновенно проникала в одежду и утяжеляла ходьбу. Тепло покидало тебя. Дождь лил как из ведра, и для конца осени это было совершенно нормально. Зайдя в поток по колено, ты уже приготовился потерять свои ноги. Шаги. Неширокая река в три метра поддалась тебе и позволила выйти на берег. Ты направился к городу в поисках станции метро, хоть тебе и было известно, что подземка уже не работает так поздно ночью. Тебе предстояла бессонная ночь в ожидании открытия.

Эта ночь была светлой. Белая луна раз за разом выглядывала из-за бледно-серых облаков, быстро плывших по черному небу.

Ты поднимался по кособокому, а в голове твоей жужжала гитара. Не акустическая, а одна из тех, что были популярны в конце двадцатого века. Низкий звук вырастал у горла и поднимался, ударяясь в лоб и виски. Это была музыка, которой не осталось места во Всеобщем Государстве. Тяжелый рифф был так же реален, как и голос в твоей голове. Ты знал, что название композиции вспомнить нельзя. Возможно, ты слышал ее десять лет назад, а то и все пятнадцать. Во второй половине двадцать первого столетия прошлое стало похоже на будущее тысячу лет назад – оно доступно только избранным.

Глава третья

Это лишь отрывок реальности. Вырванный из контекста кусочек моей жизни. Тем не менее он отвратителен.

– Александр Федорович, мы не хотим быть вашими врагами. Мы лишь исполняем свой долг перед Государством, а Всеобщее велит нам... исправить возникшее между нами недопонимание. Только от вас зависит то, сможем ли мы сражаться на одной стороне, или вынуждены будем расстаться по-другому.

Очередная комната с серыми стенами была плохо освещена и обставлена, но большего от допросной и не требовалось. Третий день к ряду я ходил и ел в наручниках, но больше всего я сидел. Когда я сорвал запись телепрограммы, меня отправили, должно быть, в отделение полиции или Госотдела бдения. Тут мало кто представлялся, но каждый считал долгом называть меня своим другом. Дознаватель за дознавателем. Собеседник за собеседником. Враг за врагом. Так или иначе, ситуации предстояло перемениться.

– Мы допускаем, что вы могли попросту не сдержать эмоций, которые нахлынули на вас в тот день, товарищ Савин. Мы бы даже сказали, что эмоции – нормальное проявление характера человека. Все мы люди, и все мы порой нуждаемся в помощи, так давайте же мы поможем вам, а вы станете нашим лучшим другом.

– Чего вы хотите от меня?

– Мы свою позицию излагаем четко, мой друг. Вы – достойнейший представитель индивидуалистов, которые способны по-своему трезво смотреть на вещи, и мы можем – если вы признаете это – прекрасно потрудиться на благо Всеобщего Государства вместе. Короче говоря, мы предлагаем сотрудничество.

– Сотрудничество? Вот как...

– Не иначе. Вы весьма умный и влиятельный человек. Заручившись вашей помощью, мы могли бы оказывать большее влияние на людей, сомневающих в компетентности Народной партии. Взамен мы предлагаем вам свободу и всевозможную поддержку со стороны правительства. Закроем глаза на случившееся недоразумение, избавимся от недопонимания.

– Другими словами, вы взамен просто не отправите меня за решетку.

Дознаватель вздохнул.

– Товарищ Савин, в чем ваша позиция?

Вздохнул и я.

– Стоит вам понять, что я против не вас самих, а ваших идей и стремлений, как вы поймете и то, что я никогда не соглашусь с вами *сотрудничать*. Вы предоставили мне выбор, и я его сделал. Никакой сделки с фаталистами.

Он сидел напротив и смотрел мне в глаза

– Так проблема в этом?

– Да.

– И все же... Александр Федорович, я должен вас убедить.

– Ничего не выйдет.

– В таком случае, вы сами ухудшаете свое положение. Вы в нашей власти.

– Возможно, но это означает, что я должен быть с вами согласен. Выбор тут делаю я.

Дознаватель повел узкими плечами, протер очки и проговорил:

– Мы отправим вас в ядерную пустошь. Будете до конца жизни сидеть в четырех стенах, а на прогулку выходить в радиоактивный дворик. Там, где тридцать лет назад жили миллиарды людей, сегодня нет никого. Вы сгниете в тысячах километрах от Столицы, в глуши, где только осужденные террористы и маньяки будут пытаться скрасить ваше одиночество.

Вы, товарищ Савин, понятия не имеете, как меняются люди в таких условиях. Если вы ставите превыше всего собственный разум, вы его лишитесь, цените свое богатство и власть – там их не найдете. От вас, «творца», там никакого проку.

Я испугался, но старался не показывать эмоций. Несмотря ни на что, я не должен идти на уступки. Они ничего мне не сделают.

– Думаете, вам известно, на что вы идете? А вот ни черта. Никто не знает всей мощи Всеобщего Государства, а вас, товарищ Савин, сотрут в порошок!

Дверь за спиной дознавателя открылась, и в помещение влетело несколько крепких парней, которые силой вывели его. Через минуту в допросную вошел мужчина лет сорока в черном пиджаке и желто-оранжевой бабочке.

– Добрый вечер, Александр Федорович. Мне кажется, мы не с того начали...

Толстяк не представился, но в этом и не было необходимости: я видел его по ТВ не один раз. Будучи какой-то крупной шишкой из Фронта Семьи, он часто светился на всех каналах.

– Ну так вот. – Он надел очки. – Веду к тому, что я не один из дикарей ГОБ или полиции. Я из Фронта Семьи, и наша организация куда лучше находит подход к, казалось бы, нашим непримиримым противникам. Копы и гововцы лишь стараются подражать нашей манере общения с важными персонами, и мы не в праве их за это винить. Они выполняют свою работу.

Я молчал.

– Александр Федорович, я готов выслушать вас.

– А чего *вы* от меня хотите? – Этот вопрос уже порядком мне надоел, но больше спросить мне было нечего.

– Мы хотим, чтобы вы стали одним из нас, товарищ Савин. Нас не интересуют ваши деньги, ваше сегодняшнее влияние или мнение. Мы лишь страстно желаем – мы жаждем! – того, чтобы вы вступили в наши ряды. А для этого вам необходимо принять нашу позицию.

– Веру? Нет.

Толстяк облизал губы.

– Времени много. Возможно, вы даже не представляете, сколько наших сторонников когда-то было настроено так же категорично, как вы, Александр Федорович. Уже более двадцати лет наше объединение ведет... диалог с известнейшими бизнесменами, учеными, политическими деятелями – всеми, кто не в силах самостоятельно постигнуть учение о человеческой натуре.

– Так о чем это учение? Просветите меня, – язвительно сказал я.

Вряд ли толстяк поверил, что я не смотрел ни одной его передачи, но он предпочел говорить со мной так, будто я вообще впервые слышал о Семье.

– Вам ведь знаком наш девиз? «Будущее предопределено. Будущее неизбежно». Он был выведен выдающимся человеком, жившим в первой половине двадцать первого века. Когда в тридцатых дело шло к войне, власти нашего государства (то были темные времена, когда оно еще не называлось Всеобщим) объявили все идеи этого человека «безнравственными и недостойными» и, воспользовавшись тем, что он был иммигрантом, расстреляли его. Человек погиб за свои убеждения, свято веря, что возводимые тогда в честь лидеров страны монументы не есть истинное предназначение человека. Никто не хотел его слушать, и он принес себя в жертву. Мы благодарны ему за это.

Я прищурился, глядя на собеседника. Не соглашаться.

– Разве может человек сделать что-нибудь более великое, чем бескорыстно принести себя в жертву? Погибая не ради себя, но ради современников и потомков, человек возносится выше окружающих.

– Так суть вашей теории в том, что необходимо жертвовать собой ради других?

– Нет, что же вы. Без сомнений, жертва есть нечто высокое, но не каждому в жизни суждено добиться чего-то невероятного. Впрочем, я отошел от темы. В нашей организации принято рассматривать будущее в качестве строго определенной последовательности событий, которые мы не должны контролировать.

– Не должны, значит.

– Согласитесь, Александр Федорович, что этот мир создали великие силы, которые нам неподвластны. Возможно, некоторым из нас трудно это признавать, и вот почему: так как есть мощь, способная создать нечто подобное, то именно она и определяет судьбу своего творения. Если бы Бог, построивший этот мир, хотел, чтобы мы взяли его под свой контроль, мы были бы в курсе, не считаете?

– Не считаю. Человек волен сам определять свою судьбу.

– Да что там! Выбор – это иллюзия. Любой поступок человека можно объяснить его характером, настроением или банальным случаем. Человек есть лишь посредник между создающими этот мир силами и результатом их работы. Мы тут ничего не решаем. И сегодня сильные мира сего хотят избавиться от человечества. Скажете, мы можем противиться тем, кто создал нас, наш дом, наше прошлое, настоящее и будущее?

– Я не вижу смысла в этой беседе.

– Знаете, в чем принципиальная разница между Фронтом Семьи и полицией? В подобных нашей ситуациях полицейские просто-напросто ищут свою выгоду, чтобы потом избавиться от использованного человека, тогда как наша организация хочет сделать вас одним из нас. Мы жаждем получить ваш разум, ваше тело и вашу жизнь. Вы необходимы народу и нужны нам. И мы свое не упустим.

– Вы хотите меня уничтожить.

– Вовсе нет.

– Хотите не дать ходу.

– Такому, какой вы сейчас – да. Хотим защитить от вас народ.

– Я стараюсь донести до людей правду. К чему защищать от меня народ?

– Даже если предположить, что ваша позиция истинная, Александр Федорович, люди имеют право не знать правду.

Я удивлен.

– Когда же вы уже осмелитесь понять, мой друг? Давайте я просвещу вас, товарищ Савин. – Он снисходительно улыбнулся, как улыбнулся бы в разговоре с отстающим в развитии ребенком. – Ничто не зависит от того, за что вы боретесь: правду, свободу или счастье. Значение имеет лишь то, что силы природы позволяют вам этим заниматься. Считаете, что важен результат? Ну ладно. Знаете, в чем секрет счастья?

– Прошу вас.

– Решивший стать счастливым человек обязуется выстроить собственный мир, в котором можно спрятаться от реальности. Господь даст на это добро только в том случае, если человек откажется от всяческой связи с *внешним* миром. Сознательно откажется от фактов, отдавшись неведению. Счастье, Александр Федорович, в неведении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.